

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЗАКОННОГО ИНТЕРЕСА

Д. ЛЕВЧЕНКО,

аспирант кафедры теории государства и права Национального университета «Одесская юридическая академия»

SUMMARY

Renewal of analysis of the legitimate interests in general theoretical studies as special components of legal status, including the opportunities and prospects for their legal defense, emphasizes the importunes of the categorical status of this phenomenon. Despite the fact that in the legal literature the view at the independence of the legitimate interests along with the rights and obligations is defended, it should be emphasized that the general theoretical jurisprudence has not developed a unified approach to the consideration of the legitimate interests as a category that has a particular semantic content. In this context, the article examines the current views on the nature of the legitimate interest in its relationship to rights and obligations in order to reveal the content of the categorical legal interests.

Key words: legitimate interests, rights, obligations, legal requirements, legal claims.

* * *

Оживление общетеоретических исследований законных интересов как особых компонентов правового статуса личности, включая возможности и перспективы их правовой защиты, актуализирует вопросы о категориальном статусе этого явления. Несмотря на то, что в юридической литературе отстаивается точка зрения о самостоятельности законных интересов наряду с субъективными правами и юридическими обязанностями, следует подчеркнуть, что общетеоретическая юриспруденция пока не выработала единого подхода к рассмотрению законных интересов как категории, обладающей особым смысловым наполнением. В этой связи в статье рассматриваются существующие воззрения на природу законного интереса, его соотношения с субъективными правами и юридическими обязанностями с тем, чтобы раскрыть категориальное содержание законных интересов.

Ключевые слова: законные интересы, субъективные права, юридические обязанности, правовые потребности, правовые притязания.

Постановка проблемы. Рассмотрение законного интереса как самостоятельной категории юриспруденции – актуальная и своевременная задача, которая подкрепляется современными тенденциями к оживлению интереса к этому явлению правовой жизни. При этом сложнейшие вопросы сущности, структуры и свойств законного интереса, его соотношения с субъективными правами и юридическими обязанностями остаются открытыми и требующими рассмотрения.

Целью статьи является определение категориального статуса законного интереса в современной юриспруденции.

Изложение основного материала. Термин «законный интерес» получил распространение в конце XIX–начале XX вв. Если Рудольф Иеринг писал о праве как о юридически защищенном интересе в своей работе «Интерес и право» [1, с. 376], то уже полвека спустя уроженец Херсонской губернии, выдающийся дореволюционный цивилист и теоретик права Г. Ф. Шершеневич ввел в научный оборот термин «законные интересы» в значении, близком к существующему сейчас. В своей фундаментальной работе «Общая теория права» ученый писал, что «члены одного общества выработали в себе привычку отстаивать всеми законными средствами свои права, восставать против малейшего нарушения их законных интересов, относиться недоброжелательно к нарушителям правового по-

рядка как к общим врагам, а согласно этому и сами стараются не выходить за пределы своего права» [2, с. 293].

Первые советские ученые тоже различали эти понятия и сделали значительный шаг вперед в исследовании этой проблемы. В частности, Н. Д. Загряцков писал, что «нарушение не только права граждан, но и интереса может дать основу для возбуждения административного иска». И далее: «С того момента, когда нарушение цели закона дает основание для обжалования решения, презюмируется неправомерным по этому признаку, на защиту интересов гражданина, даже не входящих в область его субъективных прав, встает вся система законодательства, этого правопорядка и, даже более, вся совокупность правосознания эпохи» [3, с. 25–26].

Позже одним из первых, кто четко выделил эту категорию как самостоятельный объект правовой защиты, стал В. А. Рясенцев. Он отмечал: «Вывод о

возможной защите ... не только прав, но и интересов потерпевших граждан и социалистических организаций вытекает из анализа ст. 2 и 6 Основ гражданского судопроизводства, которые предусматривают защиту вместе с правами охраняемых законом интересов. Из сопоставления названных статей ст. 6 Основ гражданского законодательства оказывается, что отдельные способы защиты гражданских прав должны применяться и для защиты интересов», охраняемых гражданским законом [4, с. 9].

Но наиболее остро этот вопрос был поставлен В. И. Ремневым. «Право гражданина и его законный интерес, – писал он, – не одно и то же. Суть права гражданина (его субъективного права) заключается в гарантированной возможности совершать определенные действия». Возможность же удовлетворения законного интереса «ограничена объективными условиями и главным образом экономическими». Таким образом, автор показал одно из отличий между категориями «субъективное право» и «законный интерес»: разную степень их материальной обеспеченности, гарантированности, что, на наш взгляд, является правильным [5, с. 26].

А. В. Малько отмечает, что часто термин «законный интерес» стоит наряду с термином «право». Союз «и», стоящий между ними, является связую-

щим союзом, а будучи связующим, он, по авторитетному мнению лингвистов, объединяет в предложении однородные понятия. Таким понятием для них является понятие «объект правовой охраны и защиты». Однако во многих нормативных актах между терминами «право» и «законный интерес» может стоять и союз «или». Союз «или» выражает отношения разделения, но в этом случае законодатель подразумевает под охраняемым законом интересом не что иное, как самостоятельный объект правовой охраны и защиты. Союз «или» это еще больше это подчеркивает, требуя во всех случаях разделять указанные объекты» [6, с. 54-55]. Следовательно, одним из важнейших признаков законного интереса является отнесение его к самостоятельным объектам правовой охраны и защиты. Таким образом, законодатель признает, что вместе с субъективными правами существуют и законные интересы, в случае нарушения которых можно прибегнуть к помощи компетентных органов.

В. В. Субочев отмечает, что сам по себе процесс воплощения интересов в нормы права, процесс прохождения отношений, сложившихся способов удовлетворения разнообразных интересов через определенные элементы механизма правового регулирования для предоставления им характера общеобязательности, императивности или гарантированности протекает не быстро. Для этого нужно время. Время для того, чтобы интерес, который проявил себя в определенных отношениях, прошел конкретные стадии правотворческого процесса, правоприменительные и правореализационные процедуры. Также определенное время нужно и для осознания компетентными государственными органами необходимости принятия определенных норм, которые в той или иной степени отражаются на балансе общественных отношений. И только конкретные отношения социальных субъектов мы можем назвать правоотношениями [7, с. 79-80]. Как элемент конкретного правоотношения субъективное право выступает как право, возникшее в связи с фактом, которому государство придает юридическое значение. Бесспорным является тот факт, что право всегда отстает в своем развитии от социальной

сферы: сначала возникают общественные отношения, затем – потребности в их урегулировании с помощью права и только после этого – нормы, которые регулируют.

В современной юриспруденции существуют различные подходы к пониманию законных интересов. В литературе они могут рассматриваться как:

- допускаемое законом стремление субъекта к достижению определенных благ (В. А. Кучинский);

- юридически предусмотренное стремление к получению тех благ, обладание которыми разрешено законодательством (А. А. Ерошенко)

- отраженные в законах интересы (М. С. Малейн);

- интересы, которые не нашли прямого выражения в юридических правах и обязанностях, но подлежат правовой защите со стороны государства (Н. В. Витрук);

- правовая возможность, предоставленная лицу в определенной степени гарантированная государством (А. В. Малько);

- направленность субъекта, обусловленная его внутренним убеждением в овладении определенным благом материального или нематериального характера, которая представляет удовлетворение потребности, осуществление и реализация которого происходит в пределах общепринятых правил поведения, определенных в нормах права, соответствует отсутствию прямого запрета в достижении такого блага, так и желательным для него способом, а также опора на обеспечение компетентными органами при наличии препятствия на пути возможности его удовлетворения (М. А. Самбор);

- стимул выбора деятельности человека, выраженный в стремлении субъекта пользоваться конкретным социальным благом, а также в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам с целью удовлетворения своих потребностей (А. В. Шпотаковская);

- осознанная субъектом права необходимость удовлетворения своих потребностей способом, допускаемым, но прямо не гарантированным правовыми нормами (И. Г. Оборотов).

Очевидно, что объединяющим моментом в этих и других определениях

законного интереса является отношение к нему как к некоторой возможности, предоставляемой (допускаемой) правом. Однако категория возможности присутствует и в классическом определении субъективного юридического права как меры возможного поведения. Вторым заметным сходством в определениях является указание на то, что содержанием законного интереса выступает стремление к некоторой цели, но то же самое стремление характерно и для субъективного права.

Основное отличие законных интересов от субъективных прав в этом аспекте состоит в том, что законный интерес не имеет прямых гарантий для заложенного в нем стремления и не имеет необходимым следствием преобразование из возможности в действительность.

В связи с этим нужно упомянуть о несколько ином взгляде, поддержанном, например, украинской ученой С. В. Ромовской, которая отмечает, что зачисление интереса к группе охраняемых законом создает для его носителя возможность действовать определенным образом, претендовать на поведение другого лица, а в случае неудовлетворения этого интереса обращаться за его защитой [8, с. 77]. Похожие мысли о гарантированности стремления, находящие выражение в законном интересе, можно найти и в работах других юристов, например, Ю. С. Завьялова и Н. В. Витрука.

Приведенные точки зрения справедливо подвергают критике А. В. Малько и В. В. Субочев, которые пишут, что для возможности, которая заложена в законном интересе, в большей степени характерен абстрактно-правовой характер, ведь не всегда и не в любых условиях она может реально осуществляться, реализовываться, а соответственно – и не всегда происходит удовлетворение интереса [7, с. 84].

На самом деле более взвешенными кажутся позиции А. А. Ерошенко и В. А. Кучинского, которые рассматривают законный интерес в качестве стремлений к получению тех или иных благ, допускаемых юридически (законодательным путем) в формах прямого разрешения или отсутствия запрета. Впрочем, думается, что на самом деле речь может идти только о тех интересах, ко-

торы не запрещаются, ведь их прямое признание в законодательной форме превращает их в субъективные права.

Вызывает возражения тезис Г. В. Мальцева о «публичности» законного интереса. Ученый пишет, что публичность вряд ли выступает его рядовым качеством, однако «институционализация законного интереса в правотворческом процессе, безусловно предполагает признание его публичного характера ... Признание публичности является условием, без которого интерес, независимо от того, кому он принадлежит ... не может отливаться в объект особого субъективного права и (или) стать юридически защищенным, законным интересом» [9, с. 372-373]. Здесь нельзя разделить позицию автора относительно того, что публичность – необходимое условие, без которого интерес не может рассчитывать на юридическую защиту. Думается, что в этом случае Г. В. Мальцев является преемником С. Н. Братуся, который шестьдесятю годами ранее отмечал, что «достойным охраны является общий, типичный интерес, а не отдельный индивидуальный интерес» [10, с. 32].

Таким образом, следуя логике учебного, интерес, который не является публичным, не может превратиться в субъективное право, претендовать на «институционализацию». Но это не так. Ведь, например, «право на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, включающий достаточное питание, одежду, жилье», предусмотренный ст. 48 Конституции Украины, нельзя назвать законодательным оформлением публичного интереса. Указанный интерес имеет частную природу, но он все же, как и многие другие частные интересы, находит свое отражение в объективном праве, институционализуется в субъективном праве.

В работе Г. В. Мальцева есть еще одна существенная особенность, которую трудно не заметить. Он различает категории «законный интерес» и «юридически защищенный интерес», последняя из которых является более широкой и глубокой, ведь точно указывает на «конечный смысл связи интересов с правом». Все юридические операции по интересам – учет, отбор и классификация, согласование, «выра-

жение в законе, в субъективном праве», «упоминание в законе», «разрешение и ограничение в законе» и т. п. – это этапы институционализации интереса на пути к главному – получению им качества юридически защищенного интереса [9, с. 367]. Это положение достаточно справедливо, ведь возможность юридической защиты законного интереса, собственно, и следует из его институционализации в той или иной форме.

Определяя содержание законного интереса, В. В. Субочев называет четыре основных его составляющих [7, с. 89-90]:

- 1) стремление к определенному благу, которое способно удовлетворить его потребность;
- 2) соответствие интереса нормативным предписаниям;
- 3) правомерная сущность законного интереса;
- 4) законный интерес является самостоятельным объектом правовой охраны и защиты.

После этого ученый затрагивает вопрос о сущности законного интереса, определяя ее как диалектический характер взаимодействия равноуровневых интересов – личности, общества и государства, которые не могут быть полностью регламентированы, отражены и закреплены в принятых нормах права. Эти интересы, соответствующие праву стремления различных участников правоотношений, опираются на принцип «разрешено все, что не запрещено». Тем не менее, нормативность права, в которой в силу самой природы последнего отсутствует универсальность, «абсолютность» в регулировании общественных отношений и «государственная воля общества», – это понятие, объективно передающее стержневое начало законного интереса как явления, берет свои истоки и развивается в правовом пространстве государства.

Вне всякого сомнения, ядро сущности законных интересов составляет юридическое дозволение, отраженное в объективном праве или вытекает из его общего смысла, и в определенной степени гарантированное государством. Дозволение позволяет говорить о законном интересе как о самостоятельном и своеобразном правовом яв-

лении, отличном от всех иных категорий [7, с. 75].

Структуру законного интереса ученый подает как внутреннюю связь стремлений (элементов), их организацию, тот или другой способ соединения, который существует в этой организации. Осевым в данной структуре является такой элемент как необходимость субъекта удовлетворять свою потребность определенным социальным благом всеми имеющимися у него в распоряжении законными способами.

Достичь желаемого, реализовать интерес, удовлетворить потребность – основной структурный элемент законных интересов, воплощающий в себе значительную часть их содержания.

Обращаться за защитой нарушенных или оспариваемых законных интересов в компетентные органы – второй структурный элемент исследуемого явления, производный от первого. Так, В. П. Грибанов отмечает, что «обращение в государственные органы за защитой не всегда представляет собой требование защиты права, а в ряде случаев связана с защитой интересов заявителя или других лиц» [11, с. 278].

Таким образом, сложная и противоречивая сущность законных интересов, которые находятся в правовом пространстве государства благодаря устанавливаемым субъективным правам и юридическим обязанностям, но далеко им не тождественна, имеет достаточно простую структуру, состоящую из двух элементов.

Другой взгляд на структуру законного интереса («интереса в праве») предлагает М. А. Самбор, по мнению которого, существует три структурных элемента интереса:

- 1) содержательный элемент, который характеризуется объективным наличием определенного объекта, имеющего материальный или нематериальный характер (объект, явление, услуга и т. п.);
- 2) субъективный фактор (элемент) структуры интереса в праве, который заключается в активности личности по отношению к вышеупомянутому предмету или явлению, путем включения и обработки его с использованием основных психических процессов человека: ощущения, восприятия, мышления, памяти, внимания и воображения. Суть

данного элемента заключается в субъективном восприятии данного предмета или явления, выделения его существенных признаков, а также создании нового образа на основе предыдущего опыта, который бы отвечал оптимальным способам удовлетворения потребностей, реализации прав и свобод человека в обществе с учетом существующего права;

3) институциональный элемент, заключающийся в воспроизведении отдельно индивидуализированных оптимальных путей совершенствования предметов и явлений, нахождения аналогичных или подобных точек зрения на определенную правовую проблему, обобщения таких взглядов и создание на их основе у субъектов-носителей данных представлений о событиях, фактах, предметах и явлениях, которые представляли общую точку зрения на решение проблемы в нормативно-правовом поле. Таким образом, под влиянием субъективного взгляда на определенные явления, события, факты, объективно формируется в общественно значимом интересе, представленном определенной группой общества [12, с. 14].

Позиция украинского ученого представляется достаточно обоснованной, ведь и на самом деле законный интерес, имея субъективно-объективную природу, состоит из реального блага (материального или нематериального), осознания потребности в овладении этим благом и возникновения соответствующего желания, а также – путей удовлетворения этого желания наиболее оптимальным путем, соответствующим правовым нормам.

В диссертационном исследовании А. И. Чепис структура интереса имеет два элемента: 1) фактическая возможность (простое юридическое разрешение) пользоваться конкретным социальным благом в рамках общих разрешений; 2) юридическая возможность (правомочие) обратиться за защитой (в первую очередь в суд) в случае деформации этой фактической возможности [13, с. 13].

Наряду с исследуемой категорией, как уже отмечалось, могут использоваться словосочетания «охраняемый законом интерес», «правовой интерес» и т. д., и хотя в украинском законодательстве эти термины практически не

используется, необходимость в рассмотрении этого вопроса остается, ведь доктринальные разработки отечественных юристов содержат все эти понятия.

Главный вопрос, который возникает в связи с наличием этих нескольких понятий: «как они соотносятся?» Напомним позицию относительно соотношения правовых и законных интересов, которое уже было произведено при рассмотрении сущностных характеристик интереса. Правовой интерес – это внутренняя, содержательная характеристика определенного интереса, сущность которой надо искать в необходимости правового характера. Вместе с тем законный интерес – это внешняя, формальная характеристика, смысл которой заключается в том, что уже существующий интерес (правовой, экономический, духовный, культурный и т. д.) определенным образом «легализуется»: ведь хотя он и не устанавливается прямо в действующем законодательстве, но и не противоречит ему.

К этой позиции, очевидно, склоняется и В. В. Субочев, который пишет, что, с одной стороны, правовой интерес шире законного, поскольку включает интерес, опосредованный как в субъективном праве, так и в охраняемом законом интересе. С другой стороны, экономический интерес, который, по сути, отличается от правового, может быть законным и в определенной степени гарантироваться государством (если он не противоправный). То есть законный интерес может быть наполнен экономическим и другим содержанием, при этом оставаясь в правовой сфере. Иными словами, законный интерес является правовым по форме своего выражения (т.е. соответствующим закону), но не по содержанию. По содержанию он может быть разноплановым.

Таким образом, грань между правовыми (юридическими) и законными (охраняемыми законом) интересами надо проводить, опираясь не на игру слов, но на конкретный смысл, вкладываемый в каждую категорию, на характер отражения в праве как законных интересов, так и субъективных прав, на те критерии, на основании которых мы и называем интересы правовыми.

Выводы. Можно сделать несколько выводов относительно категориального статуса законных интересов:

1. Законный интерес, не имея прямого закрепления в позитивном праве, обладает гарантиями защиты и реализации при условии, если он не противоречит основным принципам права и его сущности.

2. Законный интерес может трансформироваться в субъективное юридическое право при повышении его социального значения, широкого распространения, одинакового понимания, возможности его безусловного гарантирования и способности государства не просто гарантировать возможность его реализации, а обеспечить его действительную реализацию.

3. Законный интерес зачастую вытекает из субъективного юридического права (является «послеправом»).

Таким образом, законный интерес можно определить как правовое дозволение, вытекающее из человеческих потребностей, связанное со стремлением к пользованию определенным благом, не противоречащим общегосударственным или социальным интересам, не имеющим четкого отражения в объективном праве, однако охраняемым законом, имеющим частичные гарантии реализации и подлежащим защите в предусмотренном законом порядке. При определенных условиях законный интерес может превращаться в субъективное право.

Список использованной литературы:

1. Иеринг Р. фон. Избранные труды / Рудольф фон Иеринг. – Самара : Самарская гос. экономическая академия, 2003. – 520 с.
2. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1912. – 805 с.
3. Загряцков М. Д. Административная юстиция и право жалоб / М. Д. Загряцков // Право и жизнь. – 1923. – Кн. 4. – С. 20–36.
4. Рясенцев В. А. Условия и юридические последствия отказа в защите гражданского права / В. А. Рясенцев // Советская юстиция. – 1962. – № 9. – С. 2–32.
5. Ремнев В. И. Право жалобы в СССР / В. И. Ремнев. – М. : Юрид. лит., 1964. – 132 с.
6. Малько А. В. Законные интересы советских граждан : автореф. дисс. ...

канд. юрид. наук / А. В. Малько. – Саратов, 1985. – 22 с.

7. Субочев В. В. Законные интересы : моногр. / В. В. Субочев ; Под ред. Малько А. В. – М. : Норма, 2008. – 237 с.

8. Ромовская З. В. Судебная защита охраняемого законом интереса / З. В. Ромовская // Вестник Львовского университета. – 1983. – Вып. 22. – С. 70–82.

9. Мальцев Г. В. Социальные основания права / Г. В. Мальцев. – М. : Норма, 2007. – 800 с.

10. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. Понятие, виды, государственные юридические лица / С. Н. Братусь. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. – 364 с.

11. Грибанов В. П. Пределы осуществления защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. – М. : Рос. право, 1992. – 207 с.

12. Самбор М. А. Интерес в праві: загальнотеоретичні аспекти розуміння та реалізації : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Самбор. – К., 2010. – 20 с.

13. Чепис О. І. Інтереси в цивільному праві: сутність, місце та особливості захисту : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. І. Чепис. – Харків, 2010. – 21 с.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ И ПУТИ ЕГО ЗАИМСТВОВАНИЯ В УКРАИНЕ

И. ЛЕСКИНА,

соискатель кафедры административного и хозяйственного права
Запорожского национального университета

SUMMARY

In a systematized manner the article provides information regarding gender equality within law-enforcement authorities, in particular, within prosecution authorities and foreign states. The author concludes with the general tendencies and consistent patterns in this sphere. The author also gives statistical data on number of females employed with prosecution in different states. The analyzed foreign states are grouped based on territorial principle, and also in line with appropriate legal systems. The author additionally depicts problematic issues in the sphere of gender relations within the Ukrainian prosecution. An emphasis is made on the fact that when there is a legislation neutral in gender perspective regarding the service in prosecution bodies, factually there are cases of gender discrimination regarding female officers. Considering experience of the foreign states, the author suggests approaches for resolution of such cases.

Key words: prosecution authorities, gender equality, legislation, prosecution officials, managing offices.

* * *

В статье в систематизированном виде подаётся материал относительно обеспечения гендерного равенства в правоохранительных органах, в частности в органах прокуратуры, зарубежных стран. Выводятся общие тенденции и закономерности в данной сфере. Автором приводятся данные о количестве женщин, работающих в органах прокуратуры различных стран мира. Исследуемые зарубежные государства группируются по территориальному принципу, а также с учётом принадлежности к той или иной правовой семье. Автором также очерчиваются проблемы, существующие в сфере гендерных отношений в прокуратуре Украины. Акцентируется внимание на том, что при наличии гендерно нейтрального законодательства, регулирующего вопросы прохождения службы в органах прокуратуры, фактически имеют место проявления гендерной дискриминации относительно сотрудников женского пола. С учётом зарубежного опыта предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: органы прокуратуры, гендерное равенство, законодательство, служащие прокуратуры, руководящие должности.

Постановка проблемы. Сегодня Украина уверенно продвигается к построению сознательного гражданского общества, с одной стороны, и ответственной власти – с другой, в связи с чем проблематика гендерного равенства в органах государственной власти и силовых, карательных и контролирующих органах выходит на первый план как важная составляющая этого процесса. Понимание необходимости изменения подходов в разрешении гендерных вопросов приближает нас к европейским ценностям и ускоряет важные евроинтеграционные процессы.

Состояние исследования. Следует отметить, что проблемам изучения зарубежного опыта организации системы прокуратуры, функциональной нагрузки этих органов, статуса их служащих, а также гендерным вопросам уделялось достаточно внимания как украинскими, так и зарубежными учёными. Так, данная проблематика была пред-

метом исследований С. Айвазова, Л. Гентош, В. Додонова, П. Каркача, О. Кись, А. Лушниковой, О. Мартыненко, Т. Мельник, М. Мычко, Н. Онищенко, Т. Решетниковой, С. Хрисановой, В. Чечерского и др.

Однако проблема заимствования зарубежного опыта обеспечения гендерного равенства в органах прокуратуры на сегодняшний день не изучена,